

Зал аэропорта наполнен оживлённым шумом голосов и стуком чемоданных колёсиков. Обычно я люблю эту суету с её быстро сменяющимися лицами и звуком громкоговорителей, но сейчас наслаждаться ей мешает волнение. Не каждый день возвращаешься домой после четырёх лет учёбы в другой стране.

Моя жизнь сделала очередной разворот на сто восемьдесят градусов. В Лозанне я потратила почти год на то, чтобы привыкнуть к новым местам и обзавестись друзьями, и теперь мне нужно сделать то же самое, только дома. Получится ли у меня на этот раз? Несколько лет назад мне едва ли удалось.

— Не меня ищите, леди? — Улыбчивый вихрастый парень в модной толстовке возникает передо мной так внезапно, что я отступаю.

— Такси не нужно, спасибо, — отвечаю с улыбкой и как можно вежливее.

— Такси? — Брови парня непонимающе взмывают вверх. — А я похож на таксиста?

Окончательно смутившись, я бормочу «извините» и экстренно волоку свой чемодан к кафе

неподалёку. Всё никак не привыкну к тому, что за последние два года моя скромная персона стала пользоваться популярностью у противоположного пола. Очевидных изменений в зеркале я не наблюдаю, кроме разве что отсутствующих брекетов, смены причёски и трёх-четырёх набранных килограммов, но, кажется, остальные видят и другое.

— Лавандовый раф, пожалуйста, — говорю я светловолосой девушке-бариста и, разблокировав экран, быстро набираю Луизе сообщение: *«Я рядом с кофейней. Ты где?»*

«У тебя СМС не подключены, швейцарская fifa? Я ещё с утра написала, что у меня с работы не получается вырваться. Даня тебя встретит».

Сердце делает неожиданный кульбит, и это мне совсем не нравится. Я ведь уже не та девочка-подросток, что млела от лучшего друга своей сводной сестры. К тому же, судя по фотографиям в соцсетях Луизы, их дружба с Данилом наконец перешла во что-то большее. Помню, мама часто шутила, что у Дани глаза, очевидно, находятся на заднице, если он до сих пор не предложил сестре встречаться. Так вот, спустя много лет он, кажется, прозрел

Я забираю свой кофе и, бросив евро в банку с надписью «Чаемые», обшариваю глазами зал. Наверное, я слишком накрутила себя из-за возвращения. Поживу в доме отчима пару недель, пока не найду квартиру, и параллельно буду искать работу. Да и не совсем с нуля придётся всё начинать: в Москве у меня осталась лучшая подруга Радмила, уже неделю фонтанирующая радостью по поводу моего приезда, ещё есть Луиза, с которой у меня прекрасные отношения. И Пётр — так

зовут отчима — кажется совершенно искренним в своём намерении воссоединиться как семья, несмотря на то что после смерти мамы я стала фактически чужим для него человеком.

Данила я замечаю возле зоны эскалатора. Крепче сжимаю чемоданную ручку, чтобы подавить дрожь в пальцах, и иду ему навстречу. В последний раз мы виделись перед моим отлётом в Лозанну, когда мне только исполнилось семнадцать. Он всё такой же красивый и, судя по тому, что парочка девушек модельного вида с интересом на него оглядывается, всё с такой же лёгкостью привлекает взгляды женского пола. Хотя разве могло быть иначе? Двадцать семь — это слишком рано для того, чтобы резко подурнеть и обзавестись животом и лысиной.

Данил застывает в центре зала, оглядывается и лезет в карман за телефоном. Меня он не замечает. Я ускоряю шаг и для верности поднимаю руку.

— Данил! Даня!

Его глаза исследуют пространство около меня, перемещаются левее и вновь возвращаются. Озабоченная серьёзность на лице сменяется непониманием, а затем удивлением. Кажется, он не сразу меня узнал.

— Привет! — Я широко улыбаюсь, стараясь не замечать, что за эти четыре года его худощавая фигура претерпела ряд выгодных изменений, а зелёные глаза всё такие же пронзительные и глубокие. Немного краснею, но ведь это можно списать на спешку, на духоту и на горячий кофе. — У нас с Луизой случились небольшие непонятки. Я только пару минут назад узнала, что встречать меня будешь ты.

Отлично звучу, кстати. Легко и непринуждённо. Кажется, пора невнятного бормотания в присутствии симпатичных парней наконец прошла.

Растерянность на лице Данила сменяется улыбкой. Она у него тоже ничуть не изменилась: такая же обаятельная и широкая, спускающаяся весёлыми лучиками от глаз к скулам. Биение сердца немедленно усиливается, и мне приходится напомнить себе, что он, вероятнее всего, встречается с моей сестрой.

— Ты так изменилась, мышонок. Я тебя совсем не узнал.

И голос у него такой же. Звучный, с глубинной вибрацией.

Данил перехватывает ручку чемодана и тянет её к себе, отчего наши пальцы соприкасаются. Я ментально отдёргиваю свои и издаю шутливый смешок: мол, интимно вышло. Мышонком Данил называл меня давно, когда приезжал в гости к сестре с Арсением. Не потому, что я была невзрачной и серой, а потому, что на моей любимой домашней толстовке была изображена диснеевская мышь. Данил никогда меня не обижал. В отличие от Арса

Он продолжает меня разглядывать, и я чувствую, как спокойствие, припудренное напускным весельем, начинает утекать.

— Рассказывай, как дела? — беззаботно щебечу я, начиная бодро идти вперёд. — Ты всё ещё увлекаешься мотоциклами, или эта страсть уже прошла?

— Аина, — пальцы Данила ловят мой локоть и тянут. — Выход в другой стороне.

От собственного идиотизма я готова отдавить себе ногу, но глядя в его смеющиеся глаза, не вы-

держиваю и прыскаю от смеха. Я с детства растяпа, и даже учёба в престижном швейцарском вузе не смогла этого исправить.

***

— Как вообще у тебя дела? — спрашиваю я по пути домой. В машине у Дани я понемногу расслабляюсь и верчу головой по сторонам в попытке уловить последние изменения в облике столицы. За четыре года учёбы я исколесила едва ли не всю Европу, но Москва с её огромными проспектами и бешеной энергетикой по-прежнему номер один. — Ты останешься на ужин?

Данил бросает на меня быстрый взгляд и вновь возвращает его к дороге.

— Разумеется.

Повисшая пауза расставляет всё по своим местам. Конечно, он останется, ведь они с Луизой теперь пара. Может быть, в скором времени они даже собираются пожениться. Сестре двадцать пять — наверное, пора. И я совсем не грущу. У меня ведь и в мыслях не было, что после моего возвращения у нас может что-то сложиться. Я даже не была уверена, что он мне по-прежнему нравится.

— А кто ещё будет? — как бы невзначай осведомляюсь я, сосредоточенно разглядывая носы своих белых кроссовок.

— Семейные посиделки, насколько я знаю. Лишних людей не планировалось.

— Понятно.

Даже не глядя на Даню, я ощущаю на себе его внимательный взгляд.

— Арс будет.

Пальцы ног до боли поджимаются. Данил, конечно, понял, о ком я спрашивала. Арсений не улетел отдыхать, не провалился сквозь землю, не сменил место проживания. Сегодня я вновь увижу сводного брата, который возненавидел меня с первого дня, когда я, будучи четырнадцатилетним подростком, переступила порог великолепного дома семьи Авериных. Я до сих пор не знаю почему.

2

Когда «Ягуар» Дани, с глухим хрустом сминая мелкий гравий, закатывается в ворота, задремавшее волнение усиливается. В этом красивом двухэтажном особняке из бежевого камня я прожила всего три года, но за столь короткий срок успела познать многое: первую головокружительную влюбленность, горечь от чужой ненависти и боль утраты самого близкого человека — моей мамы. Может и хорошо, что после её смерти отчим принял решение отправить меня учиться в другую страну: там, среди сверстников, отлучённых от дома так же, как и я, мне не пришлось в полной мере ощутить одиночество. Сейчас же, глядя на три припаркованных автомобиля, принадлежащих членам семьи Авериных (настоящим членам семьи Авериных, а не приёмным, как я), свою чужеродность я начинаю осознавать в полной мере. Плохой настрой на семейный ужин

— Волнуешься? — голос Дани отвлекает меня от созерцания хищного графитового седана.

— Есть немного, да.

Я позволяю себе на секунду встретиться с ним глазами и тут же сосредотачиваюсь на серебри-

стом кружке воздухозаборника. Данил смотрит слишком пристально, а я за время нашей поездки стала замечать то, чего не замечала четыре года назад. Если раньше я была влюблена в образ красивого парня, то сейчас впервые начинаю видеть его в деталях: сочный цвет губ, родинку на подбородке и каштановые переливы в почти чёрных волосах. Это сбивает меня с толку, заставляет задерживаться на Дане взглядом дольше, чем позволительно, и я с ужасом думаю, что он это замечает.

— Не стоит. Ты вернулась домой. Пётр будет счастлив тебя увидеть. Луиза по тебе скучала. — Лучи улыбки разрезают его виски, заставляя меня задержать дыхание: — И я тоже.

По коже разбегается покалывание, собирающееся теплом в груди, во рту внезапно становится сухо. Мне, конечно, не стоит придавать излишнее значение фразе «И я тоже». Данил скучал не по мне, а по четырнадцатилетнему долговязому подростку, сводной сестре Луизы. Но даже если и так, вряд ли бы нашлись другие слова, способные настолько меня взбодрить.

Я ему улыбаюсь.

— Спасибо.

— Ну что? — тон Данила резко меняется, становясь весёлым и немного отстранённым. — Не будем заставлять других ждать?

Он помогает мне выйти из машины, вытаскивает из багажника чемодан, и мы вместе поднимаемся вверх по ступеням.

— Приехали, да? — Из гостиничного проема выныривает голова Луизы. Кажется, она и сама недавно приехала, потому что активно орудует руками у себя в волосах, сооружая причёску.

— Приехали, — подтверждаю я, но почему-то не решаюсь снять обувь.

Сестра расправляет солнечные локоны, одёргивает шёлк на блузке и походкой от бедра идёт мне навстречу.

— Фифа, фифа, ничего не скажешь, — одобрительно цокает она языком, окидывая меня с ног до головы оценивающим взглядом. — Дань, ты Аинку вообще узнал?

— Не сразу, — с коротким смешком отвечает он.

Зажмурившись от удовольствия, я тону в надушенных объятиях сестры. Уверенность, ранее подаренная мне Данилом, крепнет. Когда люди не хотят тебя видеть, они ведут себя по-другому. Не улыбаются и не обнимают так, словно действительно скучали.

— Он к тебе не приставал? — Луиза по-своему обнимает меня за талию, увлекая за собой. — Ты сказал ей, Дань? — И, не дожидаясь его ответа, продолжает: — Короче, мы с ним встречаемся. Дурдом, да? Столько лет дружили. Арс нас первый застукал у меня в спальне. Ору было — жуть. Будет ему уроком, чтобы без стука в чужие комнаты не вламывался. Ну ты и сама, наверное, помнишь его дебильную привычку.

Луиза ничуть не изменилась. Такая же ослепительная красотка и по-прежнему болтает без умолку. У сестры совершенно отсутствует фильтр на то, что вылетает из её рта, но окружающие с лёгкостью ей это прощают, ибо подобная непосредственность гармонично вписывается в её имидж. Обязательным и привлекательным многое сходит с рук.

Да, я помню привычку Арсения везде чувствовать себя как дома. Одно из самых ужасных

воспоминаний в моей жизни — случай, как он вломился в мою спальню, застав меня за переодеванием. Мне тогда было всего пятнадцать, и я мечтала сквозь землю провалиться со стыда. Он даже не извинился — просто выругался себе под нос и шарахнул дверью, будто это я в чём-то перед ним провинилась.

— Пап, принимай свою вторую дочь! — Луиза подталкивает меня навстречу отчиму, спускающемуся со второго этажа.

Я дожидаюсь, пока он со мной поравняется, и сама заключаю его в объятия. Что бы ни произошло с моей жизнью дальше, я всегда буду ему благодарна за то, что он оплатил моё образование в лучшем вузе Европы и позволил увидеть мир. Ведь, положив руку на сердце, он был совсем не обязан. Мамы не стало, когда мне было семнадцать. Пётр мог потерпеть всего один год до моего совершеннолетия и отправить меня в свободное плавание.

— Выросла так, — гудит отчим, похлопывая меня по спине.

С объятиями я не затягиваю — это незнающим Пётр Аверин кажется улыбчивым добряком, а на деле он совсем не такой. С мамой он часто разговаривал жёстко и со своими детьми тоже. Мама говорила, что такая суровость — следствие профдеформации. Вот уже много лет отчим возглавляет одно из крупнейших предприятий страны, у него тысячи людей в подчинении. Арсений пошёл в него: у него та же подавляющая энергетика и те же нотки металла в голосе. Только отчим, в отличие от сводного брата, меня не пугает.

— Спасибо вам, что позвали. И за всё.

— Аина, ты вот эту всю хрень вроде «я теперь сирота» брось. — Пётр берёт меня за плечи и слегка встряхивает. — Поняла меня? Комната твоя свободна, жить будешь здесь. С работой решим.

В глазах непрошено собираются слёзы. Столько всего ценного есть для меня в этих словах, произнесённых почти раздражённо, что я не успеваю справляться с подступающими эмоциями

— Спасибо большое. Я... — Запинаюсь, потому что, если скажу больше, то наверняка разревусь. И то, что Луиза и Данил наблюдают, делает только хуже. — Просто спасибо, серьёзно.

Тяжёлая поступь шагов, доносящаяся позади, за секунду приводит меня в чувство. Мне не нужно оборачиваться, чтобы знать, кто появился в гостиной. Рядом с Арсением даже воздуха вокруг становится меньше — он его поглощает одним своим присутствием, будто говоря: «Ты и на него права не имеешь».

— Ты, блин, ещё не оделся, что ли? — раздражённо ворчит Луиза. — Мог бы свою задницу и позже покачать. Я вообще-то есть хочу, а теперь нам всем придётся ждать, пока ты свою тушу в ванной прополощешь.

Я оборачиваюсь и от неожиданности опускаю глаза в пол. Арсений не то чтобы не одет — он скорее раздет, ведь только вышел из спортзала. На нём серые спортивные шорты, резинка которых потемнела от пота, футболка перекинута через плечо. Его волосы стали короче, и первое, что мне приходит на ум: он похож на бойца, дерущегося в клетках за деньги. Странное сравнение, потому что я привыкла видеть Арсения в рубашках и деловых костюмах

— Так садитесь без меня, — бросает он и, обернувшись, небрежно чиркает по мне взглядом. — С возвращением, блудная сиротка.

— Ой, ну почему ты такой отстойный? — незамедлительно шипит Луиза, пока Арсений, отвернувшись, пожимает руку Данилу. — Где ты вообще находишь дур, которые с тобой спят? Тебя же больше минуты вытерпеть невозможно.

— Просто Арс привык справляться быстрее, — усмехается Данил и заговорщицки подмигивает мне.

— Поговори, — грубо осекает Арсений, но я знаю, что раздражённая перебранка между этими тремя не более чем странное проявление любви. Данил и Арсений — лучшие друзья, а Луиза в своём старшем брате души не чает. Тут есть чему позавидовать.

— Арсений, — подаёт голос отчим, молча наблюдавший за разворачивающейся сценой, — у нас семейный ужин, о котором ты был предупреждён. Десять минут тебе на то, чтобы спуститься.

Если бы он сказал то же самое мне, да ещё таким тоном, я бы уже со всех ног летела вверх по лестнице. Но Арсений не я, и он единственный в этом доме, кто всегда умудрялся общаться с Петром на равных. Наверное, в этом и заключается прелесть финансовой независимости, потому что даже оторва Луиза, не лезущая за словом в карман, в разговорах с отцом обычно осторожничает.

— Спускаюсь, как приму душ, — развернувшись, Арсений не спеша идёт к лестнице.

— Хамло, — фыркает Луиза и переводит взгляд на меня: — Не парься, Аин, он сюда только по выходным мотается. Завтра свалит в город, и мы с тобой заживём.

У меня даже язык не поворачивается сказать вежливое «Да ну, брось». Я тоже надеюсь, что Арсений поскорее свалит отсюда, и я наконец перестану чувствовать, что ворую его воздух.

3

— Дань, ты же останешься сегодня со мной? — Луиза корчит просящую гримасу и с шутливой мольбой смотрит на Данила. — Ну пожалуйста. Вся наша семья сегодня в сборе. Обещаю завтра приготовить всем завтрак, — взгляд на меня: — Аина, ты вот чем в Швейцарии привыкла завтракать?

Я неловко пожимаю плечами. Мои завтраки в Швейцарии ничем не отличались от обычных московских. Мы готовили дома из продуктов, купленных в обычном супермаркете.

— Да я всё ем. Моя соседка по квартире готовила омлет с тофу. Было вкусно

— Омлет с тофу, — мурлычет Луиза и, пробежавшись пальцами по плечу Данила, упирается в него подбородком. — Что скажешь?

Мне требуется прикладывать усилия, чтобы по-идиотски не прятать глаза, глядя на их интимные заигрывания. Я не испытываю ревности, злости или обиды — ничего подобного. Просто не знаю, как себя вести. Луиза остаётся верной себе: делает то, что ей хочется в данную минуту. Наслаждается своими отношениями и не видит нужды это скрывать. Я так не умею. В Швейцарии я несколько месяцев встречалась с парнем, но свободно проявлять свои чувства на людях так и не научилась.

Данил усмехается и ласково треплет Луизу по голове.

— Я останусь.

— Аина, Лида тебе комнату приготовила, — вступает Пётр, последние пару минут сосредоточенно печатавший в телефоне. — Кровать на днях заменим. Уезжала-то ты подростком, а вернулась совсем взрослой.

— А есть смысл менять кровать? — резкий голос Арсения заставляет меня вздрогнуть и крепче стиснуть вилку. Было ошибкой полагать, что его молчание продлится до конца ужина. — Если ты так одержим идеей позаботиться о дочери женщины, на которой был женат от силы три года, просто купи ей квартиру. Не вижу ни единой причины продолжать жить с ней под одной крышей.

Синие глаза фокусируются на мне. Давят, презирают, стирают в пыль.

— Тебе уже двадцать один есть, правильно? Пора бы перестать сидеть на чужой шее.

Меня словно окатили ледяной водой. Хочется сгинуть, раствориться. Будь на моём месте Луиза, она бы не задержалась с ответом и наверняка выплюнула бы какую-нибудь колкость. Но я не Луиза, фамилия у меня не Аверина, и грубая правда звучит именно так: я сижу на шее чужого человека. Максимум, на что имею право, — это вскочить из-за стола и, ткнув в лицо Арсения пальцем, завопить: «За что ты так меня ненавидишь?! Что я тебе вообще сделала?»

— Я о твоих предпочтениях не спрашивал, — холодно парирует отчим. — Советы своим подчинённым будешь раздавать.

